

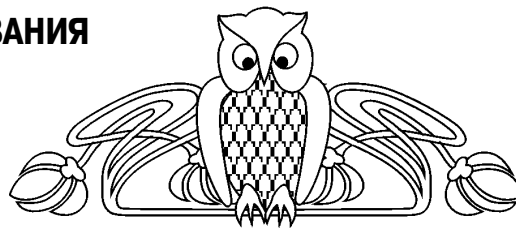
- дарство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. 1993. № 1/2; Он же. Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // Диаспора. 2003. № 2. С. 160–184; Попков В.Д. Феномен этнических диаспор. М., 2003; Полоскова Т. Феномен диаспоры. М., 2000.
- ³ См.: Мукомель В.И. Кого относить к этническим меньшинствам // Сайт Центра региональных и этнополитических исследований. www.minorities.seprs.indem.ru. – 05.07.2009.
- ⁴ См.: Дробижьева Л.М. Теоретические вопросы этничности // Методические материалы сессии «Этносоциология. Социология конфликтов». М., 2004. С. 33.
- ⁵ См.: Соколовский С.В. Перспективы развития Концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М., 2004. С. 91.
- ⁶ См.: Eide A. Protection of Minorities: Second Progress Report (UN Doc. E/CN.4/Sub.2/1992/37); Heckmann F. Towards The Development of a Typology of Minorities // Minorities: Community and Identity. Berlin, 1983. P. 9–23.
- ⁷ См.: Smith M.G. Some problems with a minority concepts and solution // Ethnic and Racial Studies. 1987. V. 10, № 4. P. 341–362; Schemerhorn R.A. Comparative Ethnic Relation. N.Y., 1970.
- ⁸ См.: Eide A. Op. cit.
- ⁹ Heckmann F. Op. cit. P. 9–23.
- ¹⁰ Shain Y. The Frontier of Loyalty: Political Exiles in the Age of the Nation-State. Middletown, Conn., Wesleyan University Press, 1989.
- ¹¹ Тишков В.А. Увлечение диаспорой. С. 162.
- ¹² Там же. С. 174.
- ¹³ См.: Shain Y. Democrats and Secessionists: US Diasporas as regime Destabilizes // Intern. Migration and Security / Ed. by Miron Weiner. Boulder; San Francisco; Oxford, 1993. P. 278–332.
- ¹⁴ См.: Pogge T.W. Group Rights and Ethnicity // Ethnicity and Group Rights / Eds. I. Shapiro and W. Kimlicka. N.Y.; L., 1996. P. 187–221; Осипов А.Г. Официальные идеологемы регулирования межнациональных отношений как фактор развития этнической конфликтности (региональный аспект) // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997. С. 250–272.
- ¹⁵ См.: Соколовский С.В. Указ. соч. С. 34.
- ¹⁶ Там же. С. 39.
- ¹⁷ Тишков В.А. Увлечение диаспорой. С. 180.
- ¹⁸ Там же.

УДК 323.232

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА МЕТОДА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ «ЯЗЫКА ВЛАСТИ»

Ю.А. Мартынова

Саратовский государственный университет,
кафедра английского языка и межкультурной коммуникации
E-mail: martynovayu@mail.ru

Данная статья посвящена проблеме выбора метода при анализе современного политического дискурса. В ней рассматриваются основные подходы, разработанные русскими и зарубежными учеными для исследования средств массовой информации. На конкретном примере показываются преимущества использования комплексного подхода для изучения языка политики.

Ключевые слова: политический дискурс, метод, комплексный подход, риторика, коммуникативные стратегии и тактики.

Linguopragmatic Aspect of Value System Formation in Political Discourse

J.A. Martynova

This article is devoted to the problem concerning the choice of this or that method when analysing the modern political discourse. It considers the main approaches worked out by the Russian, European and American scholars, investigating Mass-Media. The analysis of a concrete example of a political discourse demonstrates the advantages of the complex approach.

Key words: political discourse, method, complex approach, rethorics, communication strategies and tactics.

Усиление интереса представителей разных областей науки к теории и практике политической коммуникации – языку власти – обусловлено интенсивным развитием политических технологий и возрастающей ролью средств массовой информации. Актуальность и важность разработки данной сферы проявились, в частности, в том, что целый ряд наук слился в один конгломерат, образовав новую современную отрасль – политическую лингвистику. С появлением дисциплин, изучающих явления социально-политической жизни общества через речевую деятельность, некоторые ученые связывают становление новой «интегральной» парадигмы знания. Е.С. Кубрякова считает, что к созданию новой парадигмы привело переосмысление деятельностно-антропологического подхода к языку: речевая деятельность рассматривается неразрывно с личностными, социокультурными и познавательными характеристиками говорящего¹. В рамках данного подхода уже выпущена серия работ, рассматривающих явление речемыслительной деятельности в русле когнитивного дискурсивного направления².

Несмотря на то что уже имеются работы, посвященные истории возникновения, идеям, методам и ведущим направлениям политической лингвистики³, современное состояние, взаимодействие с другими науками, а в особенности, методологический аппарат в этой области требуют дальнейшего осмысления. В данной статье мы остановимся на обзоре методов исследования, наиболее часто применяемых при изучении политической коммуникации.

Как известно, выбор метода анализа и оценки определяется объектом исследования. В нашем случае объектом исследования является так называемый язык власти, или политический дискурс. В широком смысле слова дискурс понимается как текст в ситуации реального общения. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «дискурс – это речь, погруженная в жизнь»⁴. Определяя терминологический статус дискурса, следует противопоставлять его тексту как лингвистической категории. Е.А. Кожемякин следующим образом суммировал различия текста и дискурса: дискурс принадлежит к сфере социальных действий, обладает таким свойством как процессуальность, воспроизводит событие, диалогичен и полифоничен⁵. Текст – это ментальный конструкт, который характеризуется моноличностью и предзаданностью. Другими словами, дискурс как коммуникативный и ментальный процесс способствует образованию текста как некой формальной конструкции. Конкретные тексты составляют эмпирический базис для описания дискурса, «который требует включения данных об организации коммуникативно-когнитивных процессов, приведших к созданию этих текстов»⁶. Следовательно, при интерпретации дискурса значительную роль играет учет экстралингвистических, а именно социально-исторических и культурных, факторов, повлиявших на формальную организацию процесса коммуникации, а сам дискурс должен рассматриваться как процессуальная деятельность.

Под политическим дискурсом в широком смысле понимается корпус текстов, реализующих общение власти с народом. Четкого определения политического дискурса пока не существует. Как отмечает А.И. Хмельцов, «отнесение тех или иных действий к сфере политической – суть интерпретация»⁷, а В.З. Демьянков, ссылаясь на Э. Косериу, пишет: «... уже сама речь “политически нагружена”, поскольку является знаком солидарности с другими членами общества, употребляющими тот же язык»⁸. Пытаясь определить предмет политического дискурса, ученые разработали полевой подход⁹, при котором ядром поля является институциональный политический дискурс. В него входят тексты, созданные политиками (парламентские стенограммы, политические дебаты, публичные выступления, интервью политических лидеров и т.п.). Следующую сферу составляет масс-медийный политический дискурс, в который входят тексты, созданные журналистами и рас-

пространяемые прессой, телевидением и другими средствами массовой информации. К периферии политического дискурса, которая пересекается с официально-деловой областью, относятся тексты, создаваемые для сотрудников государственного аппарата или различных общественных организаций: инструкции, правила поведения, приказы, распоряжения и т.д.

К области политического дискурса следует также относить тексты, создаваемые народом, т.е. гражданами, откликающимися на политические события в обществе. Их участие в политической коммуникации проявляется в виде писем и обращений, адресованных политикам или государственным деятелям, писем в СМИ и т.п. Разного рода художественные тексты, так называемые политические детективы, например, также относятся к периферии поля политического дискурса. Ориентиром в структурировании смыслового поля политики при отборе материала для анализа может служить составление тематического тезауруса, предложенное рядом отечественных исследователей¹⁰. На основе компьютерной обработки большого количества текстов они выдвинули гипотезу относительно набора тем, описывающих текущий политический дискурс. Список, изначально состоявший из 60 тем, не является закрытым и корректируется в сторону расширения. Данный список создан на основе проблем, активно обсуждаемых в сфере публичной политики, и решение их относится к ведению государства и его институтов, например «административная реформа», «проблемы армии», «реформа жилищно-коммунального хозяйства» и т.п.

А.И. Хмельцов предлагает использовать другой способ интерпретации текста как принадлежащего к политическому дискурсу: если ситуация или процесс, породившие текст, нацелены на выполнение функций, реализующих власть или сопротивление ей, то этот текст является политическим. К таким функциям относятся принуждение; сопротивление, оппозиция и протест; «симуляция»; легитимизация и делигитимизация¹¹.

С точки зрения методологии наиболее последовательно разделяются исследования, выполненные в русле традиционного (риторического, семантико-стилистического) метода либо в русле когнитивного подхода. Если первый рассматривает политическую коммуникацию как языковой феномен, то второй – как ментальный. Помимо названных, существуют подходы, ориентированные на различные аспекты исследования. В таких случаях когнитивный метод может совмещаться с критическим анализом дискурса или контент-анализом. Кроме того, появляется все больше работ, авторы которых заявляют об использовании интегрального функционально ориентированного подхода.

Лингвистическое, дискурсивное и коммуникативное исследование политики вобрало в себя

многое из риторической науки, которая переживает сейчас новый расцвет, бурно развивая такие направления, как риторическая критика и неориторика, обращающиеся к психологии, социологии, а также политологии¹². Основателем риторического направления в изучении политической речи считается М. Осборн. Изучив корпус текстов, представлявших собой обращения политиков к электорату, он пришел к выводу, что в политическом дискурсе любой страны, и независимо от исторического периода, присутствуют одни и те же образы. Это базовые метафоры, которые опираются на универсальные архетипы и служат основой для понимания людьми друг друга, в то же время создавая основу для политического воздействия и убеждения. К риторическому направлению относятся также работы Р. Айви, Р.Д. Андерсона, Р. Карпентера, В. Риккерта и др.

Устойчивость интереса к риторике и возможность интегрировать ее в систему современного гуманитарного знания объясняются концептуальной системой данной науки, уходящей корнями в теорию познания, логику, философию и филологию. Со времен Аристотеля риторика рассматривалась как речь, имеющая целью «обратить в свою веру» слушающего, как «искусство говорить хорошо» (Квинтилиан, Цицерон и др. ораторы эллинистической эпохи). Для достижения функции убеждения риторика использовала определенные приемы, огромное внимание уделяя правильному построению текста и употреблению стилистических приемов. Как указывают современные исследователи, в основе неориторических направлений лежит классическая концептуальная система: теория аргументации изучает средства последовательного убеждения аудитории в правильности позиции говорящего¹³; теория фигур (Льежская группа «М», К.П. Зеленецкий, Н.Ф. Кошанский и др.) исследует стилистические возможности усиления воздействующей функции высказывания¹⁴; когнитивная теория мыслеречевой деятельности, рассматривающая процесс порождения текстов, действует в согласии с классическим концептом правильности.

Поскольку важнейшей функцией политического дискурса является убеждение, неудивительно, что в последние десятилетия (в США с 20-х гг. XX в., а в России – с 80-х гг.)¹⁵ активно развивается такое направление, как политическая риторика (работы Н.А. Купиной, А.П. Чудинова)¹⁶. Методы, применяемые в риторических исследованиях, включают в себя три ключевых момента – анализ, жанровую классификацию и оценку высказывания и его структурных частей, – позволяющих установить и описать элементы деятельности, породившей высказывание – субъект, предмет (объект), цель, средство, процедуру, внешние условия и продукт¹⁷. Структурные элементы политического дискурса, представляющие собственно текст, неизбежно изучаются с помощью семантико-

стилистического анализа, традиционно разрабатываемого в филологии. Понимая язык как средство репрезентации значений, исследователи изучают текст как совокупность единиц разных речевых уровней (морфологию, лексику, фразеологию, синтаксис). Специалистов интересуют жанровые особенности политических текстов, их композиция, средства связи между частями, стилистические средства акцентирования смыслов и т.п. Отдельные жанры, как и их стилевые характеристики – протест, предвыборная агитация или полемика, политический скандал, – а также рационально-аналитические – широко представлены в исследованиях¹⁸.

В XX в. ученые пришли к тому, что «объяснение целого ряда языковых феноменов – таких, как оценка, метафоризация, идиоматизация значений – следует искать в когнитивных механизмах обработки знаний»¹⁹. Роль метафоры в познании мира и создании новых понятий, так называемой категоризации действительности, настолько велика, что многие ученые рассматривают политическую коммуникацию вообще в терминах метафоры²⁰. У истоков когнитивной теории метафоры стоят Дж. Лакофф, М. Джонсон, Д. Дэвидсон²¹. В отечественном языкознании в работах В.В. Петрова, А.Н. Баранова, П.Б. Паршина, Д.О. Добровольского излагаются принципы когнитивной теории метафоры. Авторы подчеркивают тот факт, что когнитивная наука сформировалась на стыке нескольких научных дисциплин (философии, логики, лингвистики, психологии, культурологи и др.). Когнитивная наука рассматривает метафору как средство формирования модели знания, позволяющей представить данную систему с помощью системы, принадлежащей к иной сфере опыта, где описываемый элемент представлен более очевидно. Такое понимание метафоры выдвигает на первый план ее роль в формировании концептуальной системы человеческого мышления, что постоянно используется политиками при построении своих речей. Рассматривая метафору широко, как взаимодействие двух смысловых комплексов – источника и цели, куда включаются и другие явления, основанные на переносе значения (метонимии, синекдохи, образные сравнения и фразеологизмы), – ученые были вынуждены в своих исследованиях применять аппарат когнитивной науки, расширяя и дополняя лингвистические семантико-стилистические методы. Это объясняется тем, что «две смысловые составляющие метафоры – содержание vs. фокус и пр. – это знания о мире, а языкознание в традиционном понимании не ставит перед собой цели описания действительности и не обладает соответствующим концептуальным аппаратом»²². Такой подход был апробирован А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским в работе по типологии идиом²³ и в работе А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова по созданию словаря русской политической метафоры²⁴.

Хотя большая часть исследований выполняется на материале современного дискурса, появляются работы, в которых рассматриваются метафоры в диахронии. Исследователи приходят к выводу, что несмотря на присутствие архетипичных метафор во всех культурах во все времена, развитие культуры, науки и техники может воздействовать на их частотность²⁵. Метафорическая система общественных представлений о политической реальности также претерпевает изменения со временем. Американские, а затем голландские исследователи²⁶ доказали, что вариативность системы политических метафор может рассматриваться двояко: 1) как зависимость изменения количества метафор в политическом дискурсе от изменения политической ситуации (например, в периоды выборов или кризисов число метафор заметно увеличивается); 2) как доминирование отдельных метафор и метафорических моделей в различные исторические периоды.

В последнее время, когда язык рассматривается не только как средство репрезентации значений, но и как средство коммуникации, деятельность, исследователи все чаще заявляют о дискурсивном подходе к анализу коммуникативных процессов и явлений, в том числе политических. Дискурс-анализ предполагает совокупность методик и техник интерпретации различного рода текстов и высказываний как продуктов речевой деятельности, осуществляемой в конкретных общественно-политических обстоятельствах и культурно-исторических условиях. Термин «дискурс» подчеркивает тематическую, предметную и методическую специфику таких исследований, нацеленных на выявление взаимосвязи структуры речевой деятельности с социокультурной средой ее порождения. В книге Л. Филлипс и М.В. Йоргенсен²⁷ дается обзор теории и метода дискурс-анализа, как он представлен в работах зарубежных исследователей. Три подхода к дискурс-анализу – критический, дескриптивный и психологический – описываются комплексно, включая философские (онтологические и эпистемологические) предпосылки, касающиеся роли языка в социальных структурах мира. В рамках дескриптивного подхода особенно детально рассматривается теория дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф как самая показательная постструктуралистская теория, основанная на идее о том, что дискурс формирует социальный мир с помощью значений²⁸. К вариантам дескриптивного анализа дискурса относятся также комбинаторная теория кризисной коммуникации (ССС-theory), теория дискурсивного понимания метафоры, совмещение анализа политической метафоры с дискурсивной теорией демократизации и подобные²⁹.

При критическом подходе дискурсу приписывается особо активная роль в конструировании политической реальности: «... язык-как-дискурс

одновременно и та форма действия, с помощью которой люди могут изменить мир, и та форма действия, которая сама находится в историческом и социальном контексте и связана диалектическими отношениями с другими аспектами социального»³⁰. Критический анализ политического дискурса изучает способы достижения господства в обществе социальной властью. Существует много вариантов критического анализа, но все они методологически восходят к трем основным школам: когнитивному анализу дискурса Т. ван Дейка, дискурс-анализу Н. Фэркло и немецкой школе критического анализа, включая социолингвистический анализ Р. Водак³¹.

Третий подход к дискурс-анализу, рассмотренный в книге Филлипс и Йоргенсен, – дискурсивная психология, – представляет собой социально-конструкционистскую форму дискурс-анализа, разработанную в социальной психологии. В отличие от когнитивистов это направление «трактует письменную и устную речь как конструкцию мира, сориентированную на социальное действие»³².

Традиционные методы изучения языка политики активно обогащаются достижениями нейролингвистических и психолингвистических теорий (см. обзор в книге Будаева, Чудинова³³).

Наряду с вышеупомянутыми подходами с самого начала становления политической лингвистики (20–50-е гг. XX в.) для изучения политической коммуникации применялись методы количественной семантики, начало которым положил Г. Ласвелл³⁴. Этот ученый, а вслед за ним Н. Лейтес, С. Якобсон и другие выявляли различные взаимосвязи между семантикой языковых единиц и политическими процессами, применяя контент-анализ для исследования общественных представлений о политической картине мира. Суть подхода состояла в группировке различных слов по тем или иным содержательным признакам в категории, затем подсчитывалась частота употребления в тексте выявленных категорий. Сравнивая с нормой частоту употребления слов данной категории конкретным политиком, например, можно судить о его позиции, основаниях аргументации, имплицитных смыслах его дискурса. По мере развития контент-анализа его методы становятся все более трудоемкими, требующими для обработки данных современных технических средств. В своей работе, посвященной анализу политического дискурса³⁵, авторы указывают на недостаток контент-анализа при тематическом мониторинге политического дискурса: «... необходимость “отслеживания” множества тем и их сочетаний делает использование стандартного контент-анализа практически невозможным»³⁶. Авторы разработали новую методологию мониторинга тематики политического дискурса, основной особенностью которой является широкое использование компьютерных методов обработки языковых данных. Контент-анализ соединяется с

методами, используемыми в области информационного поиска, – информационно-поисковым тезаурусом.

Краткий обзор подходов к исследованию политического дискурса демонстрирует отсутствие единых терминологии и методологии. При этом очевидно, что на основе трех базовых подходов (риторического, когнитивного и дискурсивного) и ряда дополнительных методов формируется новая, современная методологическая система. В качестве интегрирующего элемента разных подходов к политическому дискурсу-анализу представляется возможным принять следующий тезис: «... политическая реальность осуществляется и конструируется в дискурсе и через дискурс (политические процессы конституируются и осуществляются через текст)»³⁷, т.е., изучая язык власти, необходимо методы структурного анализа (риторические тактики и стратегии, стилистические приемы, анализ языковых единиц разных уровней) вписать в социокультурный политический контекст.

Рассмотрим применение комплексной методики политического дискурса-анализа на конкретном примере. Проанализируем обращение президента РФ Д.А. Медведева к российскому народу по поводу направления послания президенту Украины³⁸. Данный текст является образцом институционального политического дискурса (президент – первое лицо государства, олицетворение власти). Сюжетной составляющей рассматриваемого дискурса является направление послания президента России руководству Украины, которое содержит резкую критику деятельности первых лиц Украины, что является основанием для отсрочки отправления российского посла в Украину.

Узловой точкой дискурса, вокруг которой организуются основные смыслы («послание», «Россия», «Украина», «отношения»), является внешняя политика. Социально-историческим фоном дискурса являются напряженные отношения между пограничными странами. Доминирующей в смысловой структуре текста является дихотомия «свой – чужой», характерная для политического дискурса. Она четко проявляется в коммуникативных стратегиях позитивной самопрезентации и негативного представления «другого»: «Россия стремится быть прогнозируемым, сильным, комфортным партнером для своих соседей»; «Мы всегда будем дорожить братскими связями с украинским народом...». Украина всячески препятствует установлению добрососедских отношений: «... российским компаниям приходится регулярно сталкиваться с откровенным противодействием со стороны украинских властей...».

Идентичность адресанта формируется вокруг ключевого знака «Россия», противопоставленного другому ключевому знаку – «украинские власти», – причем Россия репрезентируется исключительно

но со знаком «+», а «украинские власти» – со знаком «–»: Дмитрий Медведев прямо говорит, что его послание «содержит ряд сложных, нелицеприятных оценок действий высшего политического руководства Украины». Ключевой знак «Украина» рассматривается отдельно от знаков «украинская власть» и «официальный Киев». Россия и российская власть в лице президента не разделяются, подразумевая единую позицию власти и народа. Употребляя в своей речи местоимение 1-го лица («Я направил свое послание», «Я не раз говорил о том, что...»), президент говорит от лица России, подчеркивая свою ответственность за ситуацию. Согласно дискурсу президента, быть на стороне России – значит, быть на стороне, правой в моральном отношении, проводящей правильную, справедливую политику. Следовательно, принятие позиции украинского руководства является нелегитимным с точки зрения исследуемого дискурса.

Итак, основными функциями президентской риторики являются: 1) презентация своей позиции, реализуемая с помощью аргументации, направленной на ее легитимацию; 2) разоблачение и дискредитация позиции и поведения оппонента. На уровне локальной семантики данные стратегии реализуются с помощью набора риторических тактик.

- Тактика противопоставления действий оппонентов:

Россия стремится быть хорошим партнером – Украина нарушает основополагающие соглашения; Россия празднует юбилей русско-украинского писателя, а Украина проводит кампанию по вытеснению русского языка и культуры; российские миротворцы воюют на стороне народа, подвергшегося нападению, а украинские власти обеспечивают оружием агрессивный режим Саакашвили.

- Тактика дискредитации оппонента на фоне позитивной самопрезентации:

В то время когда Россия дорожит братскими связями с украинским народом, укрепляет гуманитарное сотрудничество, поддерживает украинцев, проживающих в русских городах и верит в возрождение добрых отношений, на Украине искажают историю и исторические факты, препятствуют развитию экономических связей и заключают договоры с другими странами, ущемляющими интересы России.

- Тактика сильного лидера, уверенного в своей правоте:

«Я уверен, что наши отношения с украинским народом переживут любые проблемы»; «Убежден, должны наступить новые времена»; «Я уверен, что многогранные связи России и Украины обязательно вернутся...»

Первые две тактики (самопрезентация и дискредитация оппонента) реализуются в тексте с помощью а) эксплицитно выраженных оценок («уровень [отношений] беспрецедентно низок»; «внешне гладкая риторика украинского руководства плохо сочетается с откровенным искажением

... эпизодов нашей общей истории») и б) образных средств. Концептуальную основу данного дискурса составляют характерные для современности базовые метафоры Верха-Низа («...связи России и Украины обязательно вернутся, но на качественно новый уровень...»), Механизма («... документ, абсолютно не стыкующийся с январскими российско-украинскими договоренностями»; «Напряженность в отношениях России и Украины действительно зашкаливает»), Растения («у нас общие исторические и культурные корни...»), Войны («Киев занял откровенно антироссийскую позицию»), Семьи («великий сын украинского и русского народа...»; «братские отношения»), Дома/Строения («Россия стремится быть прогнозируемым, сильным, комфортным партнером для своих соседей»). Дихотомия «свой (хороший) – чужой (плохой)» распространяется и на выбор ключевых метафор: для описания России используются образы Семьи, Братских/Родственных отношений, Организма, а украинское руководство предстает в образах Войны, Механизма, Болота («отношения с украинским народом ... не утопить в болтовне и псевдоисторических исследованиях»). Стремление как можно более четко и недвусмысленно представить свою позицию проявляется в метатекстовых конструкциях: «хотел бы объяснить», «именно об этом я сегодня хотел сказать».

Тактика сильного лидера реализуется в тексте особым способом. Для этого изменяется модальность повествования – используются отрицательные инфинитивные конструкции и конструкции с модальными глаголами. Фразы приобретают характер заклинаний, появляются повторы и особый ритм: «братские народы не могут быть разобщены»; «наши отношения ... не разрушить...», тем более не утопить в болтовне...»; «должны наступить новые времена». На реализацию этой тактики работает также ссылка на авторитетное лицо, каким является патриарх Кирилл: «Я разговаривал с Патриархом... наши мнения по этому вопросу совпадают...»

Дискурс президента вступает в противоречие с фактом реальной действительности: говоря об озабоченности по поводу плохого состояния отношений между Россией и Украиной и о том, что Россия делает все возможное для их улучшения, Дмитрий Медведев не направляет в Украину российского посла, что служит усилению напряжения между странами. Таким образом, вся аргументация дискурса направлена на оправдание данного поступка. В конце текста она проявляет себя в виде тактики переноса ответственности на другого: «... может быть, мы действуем слишком агрессивно, но в этом виноваты они». Для смягчения основного противоречия используется также тактика уступки – эта мера временная: «Убежден, должны наступить новые времена»; «Он приступит к работе позднее»; «Мы сделаем все от нас зависящее». Такая концовка еще раз подчеркивает

то, что адресант берет на себя ответственность за противоречивую ситуацию и обещает принять меры к ее исправлению. Большая открытость текста, практическое отсутствие имплицитного содержания придают ему убедительность и доказывают отсутствие в данном дискурсе манипулятивной стратегии.

Итак, приведенный пример комплексного анализа фрагмента политического дискурса демонстрирует возможность более полного обнаружения цели высказывания и средств ее достижения. Рассмотрение смысловой структуры текста с помощью разнонаправленных подходов (риторического, семантико-стилистического, когнитивного и дискурсивного) позволяет объективно судить о его внутренней цельности и так называемой валидности – являются ли используемые в нем послылки и способы убеждения непротиворечивым комплексом. Конечно, следует признать, что объединить в каждом конкретном анализе все методики, наработанные в данной области, невозможно. Естественным решением этой проблемы видится четкое формулирование цели исследования, которая и диктует релевантные категории анализа.

Примечания

- 1 См.: Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа). М., 1995.
- 2 С любовью к языку. М., 2002.
- 3 См.: Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006.
- 4 Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998. С. 137.
- 5 См.: Кожемякин Е.А. Дискурс: терминологический статус и коррелирующие понятия («текст», «язык», «мышление», «коммуникация») // Коммуникация в современной парадигме социального и гуманитарного знания: Материалы 4-й Междунар. конф. РКА «Коммуникация – 2008». М., 2008. С. 108.
- 6 Чубарова Ю.Е. Функционально-структурные особенности и просодические средства выражения дискурсивных элементов англоязычного учебно-научного дискурса. Саранск, 2008. С. 17.
- 7 Хмельцов А.И. Когда «они» говорят о «нас»: политический дискурс-анализ и семиотика внешней политики в междисциплинарной перспективе // Актуальные проблемы теории коммуникации: Сб. науч. тр. СПб., 2004.
- 8 Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие / Отв. ред. М.Н. Володина // www.infolex.ru/SMI1.htm. – 12.08.2009.
- 9 См.: Будаев Э.В., Чудинов А.П. Вопросы языкознания.
- 10 См.: Баранов А.Н., Михайлова О.В., Сатаров Г.А., Шипова Е.А. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафористики. М., 2004.
- 11 См.: Хмельцов А.И. Вопросы языкознания.
- 12 См.: Бушев А. Неориторические исследования // www.credo-new.narod.ru. – 12.08.2009.

- ¹³ См.: Перельман Х., Бузук Г.Л., Волков А.А., Брутян Г.А. Прагмалингвистический аспект немецкоязычного риторического дискурса // bankrabort.com/.../work_18219.html. – 12.08.2009.
- ¹⁴ См.: Бушев А. Указ. соч.
- ¹⁵ См.: Смолененкова В.В. Понятие риторической критики // Современные вопросы общественно-речевой практики. М., 2005. С. 71–87.
- ¹⁶ См.: Купина Н.А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург, 1998; Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учеб. пособие для студ., асп., препод.-филол. М., 2006.
- ¹⁷ Смолененкова В.В. Указ. соч.
- ¹⁸ Будаев Э.В., Чудинов А.П. Указ. соч.
- ¹⁹ Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991. С. 45.
- ²⁰ См.: Будаев Э.В., Чудинов А.П. Указ. соч.
- ²¹ См.: Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 37; Петров В.В. Понимание метафор: на пути к общей модели // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 165.
- ²² Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. М. 1991. С. 115.
- ²³ См.: Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Современная русская идиоматика (проект словаря)//Русская фразеология в контексте культуры. М., 1999.
- ²⁴ См.: Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Указ. соч.
- ²⁵ См.: Osborn M. Archetypical Metaphor in Rhetoric: the Light-Dark Family // Quarterly Journal of Speech. 1967. Vol. 53.
- ²⁶ См.: Будаев Э.В., Чудинов А.П. Указ. соч.
- ²⁷ Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. 2-е изд., испр. М., 2008.
- ²⁸ Там же. С. 26
- ²⁹ Там же; Будаев Э.В. Чудинов А.П. Указ. соч.
- ³⁰ Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Указ. соч.
- ³¹ См.: Будаев Э.В., Чудинов А.П. Указ. соч. С. 111.
- ³² Там же. С. 50.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Lasswell H. Power and Personality // Wikipedia, the free encyclopedia. 1948.
- ³⁵ Баранов А.Н. Метафоры в политическом дискурсе: языковые маркеры кризисности политической ситуации // Linguistic Change in Europe. 1990–2000. Wien, 2000; Он же. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2.
- ³⁶ Там же. С. 9.
- ³⁷ Хмельцов А.И. Указ. соч. С. 20.
- ³⁸ <http://blog.kremlin.ru/post/30/transcript>. – 12.08.2009

УДК 316.346.32–053.6:303.446.4 (470+571)

МОЛОДЕЖЬ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (историография проблемы)

В.И. Дорофеев

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: chekmarev@nm.ru

В статье на основе глубокого анализа соответствующей литературы показана степень разработанности такой ныне актуальной и довольно сложной проблемы как политическая модернизация вообще и участие молодежи в модернизационных процессах постсоветской России в частности.

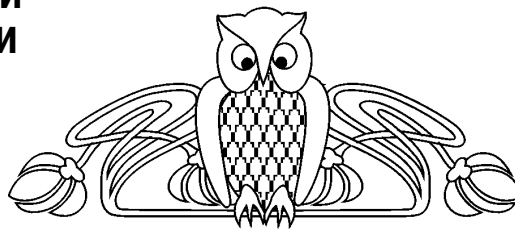
Ключевые слова: модернизация, этапы модернизации, молодежь, Россия.

Youth Within the Political Modernisation in Russia (Historiography)

V.I. Dorofeev

The paper based on the deep analysis of relevant research studies and scholarly works shows the extent to which the complex and important issue of political modernisation has been developed. Particular attention is given to the youth within the modernisation process in Post-Soviet Russia.

Key words: modernization, stages of modernization, youth, Russia.

В начале XXI в. Российское государство после шока либеральных преобразований оказалось в ситуации «стабильной неопределенности» и устойчивого отставания от своих мировых конкурентов (стран Запада, Юго-Восточной Азии и др.), а российское общество – в состоянии напряженного ожидания будущего. В публично-политической риторике современной российской власти произошли значительные изменения по сравнению с лексикой «реформаторской элиты» 1990-х гг. В частности, в средствах массовой информации вместо слова «реформы» все чаще звучит слово «модернизация». Этому есть социально-политическое и психологическое объяснение. В результате политической и экономической практики радикальных преобразований и их катастрофических последствий, как совершенно справедливо отмечает А.В. Матюхин, само слово «реформа» сейчас вызывает стойкое неприятие и